но это обстоятельство и должно было не облегчить, а сдѣлать невозможнымъ осуществленіе задуманнаго гр. Толстымъ, и скоро ему пришлось убѣдиться въ этомъ.

Л. Н. И. Толстой самъ замѣчаетъ что только входя въ Ржановъ домъ онъ понялъ неисполнимость затѣяннаго имъ.

„Я понялъ тутъ въ первый разъ, говоритъ онъ, что у всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которымъ я хотѣлъ благодѣтельствовать, кромѣ того времени, когда они, страдая отъ холода и голода, ждутъ впуска въ домъ, есть еще время, которое они на что-нибудь да употребляютъ, есть еще 24 часа каждыя сутки, есть еще цѣлая жизнь, о которой я прежде не думалъ. Я понялъ здѣсь въ первый разъ, что всѣ эти люди, кромѣ желанія укрыться отъ холода и насытиться, должны еще жить какъ-нибудь тѣ 24 часа каждыя сутки, которыя имъ приходится прожить такъ же какъ и всякимъ другимъ. Я понялъ, что люди эти должны и сердиться, и скучать, и храбриться и тосковать, и веселиться. Я, какъ ни странно это сказать, въ первый разъ ясно понялъ, что дѣло, которое я затѣвалъ, не можетъ состоять въ томъ только, чтобы накормить и одѣть тысячу людей, какъ бы накормить и загнать подъ крышу тысячу барановъ, а должно состоять въ томъ, чтобы сдѣлать доброе людямъ. И когда я понялъ, что каждый изъ этой тысячи людей такой же точно